



ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

УДК 159.92

СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА И ДЕТЕРМИНИЗМ

Е. И. Кузьмина

Кузьмина Елена Ивановна – доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии, Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
E-mail: kuzminaell1@yandex.ru

Представлен теоретический анализ проблемы диалектического единства свободы творчества и детерминизма – общепсихологического принципа причинной обусловленности, предложенного С. Л. Рубинштейном. Обосновывается «эффект преломления внешнего воздействия через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств». Показано, что свобода творчества и детерминизм взаимодополняют друг друга. Детерминизм является причиной мотивации творческого процесса, подталкивающей человека к поиску неизвестного и усиливающей мыслительную активность. Творческая деятельность открывает новые детерминанты, связи между предметами и явлениями, новые потребности и мотивы, активизирующие познание. На основе рефлексивно-деятельностного подхода, разработанного Е. И. Кузьминой (1992), раскрываются результаты теоретического и эмпирического исследования соотношения свободы творчества и детерминизма.

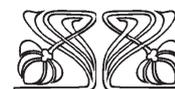
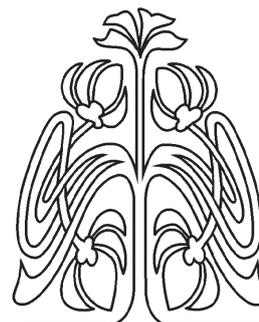
Ключевые слова: свобода творчества, принцип детерминизма и принцип свободы, свобода и ответственность, рефлексивно-деятельностный подход, детерминанты свободы творчества, проблемные ситуации.

DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-1-21-34

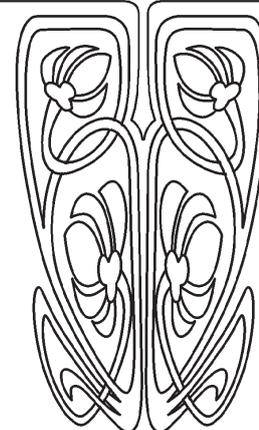
Методологические основания изучения проблемы соотношения свободы творчества и детерминизма

В 1990-е гг. в ходе изучения феномена свободы человека у нас возник особый интерес к проблеме свободы творчества. Были изучены, прежде всего, методолого-теоретические работы С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, а также обобщены труды более тридцати зарубежных и отечественных философов – Р. Декарта, Б. Спинозы, И. Канта, Г. Гегеля и других. Проведено экспериментальное исследование, получившее поддержку Российского фонда фундаментальных исследований, Совета по грантам Президента РФ и государственную поддержку ведущих научных школ (Проект № 02-06-99504). По проблеме свободы были проанализированы работы зарубежных и отечественных психологов. На основании разработанного нами рефлексивно-деятельностного подхода проведено исследование отдельных проявлений свободы – свободы человека от фрустрации, в обучении, выбора ядра коллектива, а также свободы творчества в диадах с демократическим и авторитарным типом взаимодействия в ситуации поэтического и художественного творчества.

В статье раскрывается проблема соотношения свободы творчества и детерминизма. Методологическими основами являются:



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





естественно-научное понимание рефлекторной природы психики как саморегулирующейся системы (Р. Декарт, Б. Спиноза, И. М. Сеченов и др.);

субъектно-деятельностная теория С. Л. Рубинштейна;

культурно-историческая теория Л. С. Выготского;

экзистенциально-гуманистический подход (В. Франкл, К. Ясперс).

Содержание теории С. Л. Рубинштейна и вытекающих из неё принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития психики в деятельности) воплощено в формуле «внешнее через внутреннее»: *«При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия <...> ничто в ее развитии не выводимо из внешних воздействий, <...> внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние, через сложившийся у нее строй мыслей и чувств <...> Изучение внутренних психологических закономерностей, обуславливающих психический эффект внешних воздействий, составляет фундаментальную задачу психологического исследования»* [1, с. 209, 269, 275]. Понимание психических явлений как включенных во всеобщую взаимосвязь предметов и явлений мира возводит диалектически трактуемый принцип детерминизма в ранг методологического, значимого для психологического познания.

Развивая в психологии идею И. М. Сеченова о психике как саморегулирующейся системе, С. Л. Рубинштейн отмечает: «В отличие от <...> механистического детерминизма, детерминизм в его диалектико-материалистическом понимании всякое воздействие рассматривает как взаимодействие <...> Общей предпосылкой рефлекторной теории психической деятельности и теории отражения является диалектико-материалистическое понимание детерминизма» [1, с. 49]. Против механистического детерминизма в понимании человека и его свободы выступили русские философы – Н. О. Лосский, иеромонах Антоний, В. С. Соловьев, П. Е. Астафьев и др. По мнению Н. А. Бердяева, природа творчества не может быть объяснима с позиций механистического детерминизма, так как творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который даёт мир как обыденная реальность: «Свобода и творчество говорят о том, что человек не только природное существо, но и сверхприродное <...> Человеку субстанциально присуща свободная энергия, т.е. творческая энергия <...> Тайна свободы отрицает всякую замкнутость и всякие границы» [2, с. 153–154].

В своём исследовании мы поставили цель рассмотреть проблему диалектического единства свободы творчества и детерминизма с позиций субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна и вытекающих из неё принципов, а также рефлексивно-деятельностного подхода, разработанного нами на её основе, концепции рефлексии В. Лефевра и ряда философских работ (И. Г. Фихте, Г. Гегеля, И. Канта, экзистенциальных философов – М. Хайдеггера, К. Ясперса, Вл. Соловьева и др.). Рефлексивно-деятельностный подход, подразумевающий единство процессов рефлексии и деятельности в изучении психических явлений, позволяет проводить анализ преодоления противоречия, возникшего при взаимодействии внешних причин и внутренних условий. Теория интеллекта, творчества и одаренности, развиваемая в школах С. Л. Рубинштейна – А. М. Матюшкина и Я. А. Пономарева – Д. В. Ушакова, а также концепция свободы человека, предложенная нами на основе рефлексивно-деятельностного подхода [3, 4], выступают основополагающими для понимания сущности свободы творчества.

Роль рефлексии является чрезвычайно важной для достижения свободы. Благодаря ей человек осознаёт себя как личность, индивидуальность, субъект и, как полагал Вл. Соловьев, стремится утвердить свой духовный центр. Он различал три отношения субъекта к самому себе как носителю сознания: «Во-первых, мы имеем в виду наш первоначальный нераздельный или цельный субъект <...> Во-вторых <...> нашу отдельную сознательную жизнь – проявление или обнаружение нашего духа <...> В третьих, мы можем рефлексировать или возвращаться к себе... и утверждать себя актуально, как единого субъекта, как определенное “Я” <...> это возвращение к себе, рефлексия на себя или утверждение себя в своем проявлении и есть собственно то, что называется самосознанием» [5, с. 92].

Свобода творчества является критериальным показателем мыслительной активности человека: без неё он не сможет преодолеть власть штампов, клише (Ф. Ницше, И. Бродский), идолов познания (Ф. Бекон), подняться над своим природным и индивидуальным «Я» (Ж.-П. Сартр) и осуществлять движение к всеохватывающему (К. Ясперс), иному (Н. А. Бердяев); без свободы открытия, требующего выхода за рамки известного, не произойдёт. Свобода творчества, будучи включённой во всеобщую связь явлений мира, является детерминированной, но не предопределённой так же, как детерминированы, но не предопределены, согласно С. Л. Рубинштейну, сознательное действие и мышление. Обречённость человека на свободу из-за необходимости постоянно совершать экзистенциальный выбор (Ж.-П. Сартр) ещё не гарантирует его об-



речённости на свободу творчества. В этой связи интерес представляет отличие гения от таланта. В своей работе «Смысл творчества» Н. А. Бердяев, полагая, что талант и гений, «в пути которых есть отталкивание от всяких берегов», всё же отличаются друг от друга тем, что «творчество гения есть не “мирское”, а “духовное” делание», и гению присущ «универсальный порыв к иному бытию» [2, с. 179–180].

И, несомненно, всё творчество А. С. Пушкина – «духовное делание», которое обогащает каждого, кто к нему прикоснётся. Он знал про свой божественный дар ещё в годы обучения в Царскосельском лицее: «Задумаюсь, взмахну руками, и мысли плавно потекут», «...И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы лёгкие навстречу им бегут, / И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, / Минута – и стихи свободно потекут». В свободном полёте мысли он испытывал прилив творческих сил, вдохновение, а в «Маленьких трагедиях» в «Моцарте и Сальери» А. С. Пушкин показал вселенскую боль, обиду и отчаяние, бесконечную драму переживаний тех, кто трудится в поте лица над своим творением, но эгоистичен и завидует тому, кто творит гениальное произведение.

А что происходит, когда одаренный переживает кризис творчества? В попытке вновь испытать свободу творчества он может использовать алкоголь и наркотики, или, в лучшем случае, стремится путешествовать, испытывает на себе восточные практики расширения сознания. Если он не будет работать над собой, то может далеко зайти в своих девиациях. По мнению немецкого философа И. Петцольдта, «“Сильный характер” есть вместе с тем и “свободный характер” <...> “Свобода” есть превосходство группы представлений этического комплекса над всеми другими. Если эта группа наиболее сильная, она побеждает все торможения мысли, она не знает никаких “помех”, никакого “принуждения”, никаких колебаний <...> И если человек идёт на поводу своей похоти, проявляет малодушие, то это приводит к разрушению морального комплекса, искривлению души» [6, с. 75].

П. А. Флоренский в своем труде «Столп и утверждение истины» говорит о том, что пребывание души человека во власти эмпиризма и эгоизма лишает её свободы и творчества: «Если сокровище своё Я положило не в своём божественном само-творчестве, прилепилось не к своему образу Божию во Христе, а к своему эмпирическому содержанию, т.е. к условному, ограниченному, конечному и, потому, – слепому, то оно самым делом ослепило себя, лишило себя свободы своей, поработило себя себе и тем самым предварило Страшный Суд. “Для себя” личности обращено к несвободе, к слепому само-утверждению Я; “тупое, мрачное и непреобо-

римое стремление” всецело владеет личностью, и её творческая энергия, её образ Божий ей уже более не нужен, ибо “для себя” выпало из области “самого”, из области сверх-эмпирической свободы и погрязло в рабстве эмпирическому <...> И, чем более старается Я удовлетворить своё слепое хотение, свою бессмысленную, само-утверждающуюся как бесконечное, конечную похоть, тем более распаляется внутренняя жажда, тем яростнее вздымается высоковольтный гнев» [7, с. 190]. Негативные последствия этого выступают основанием вынесения вердикта: «... относительно каждого похотения, поставленного вместо утверждения Истины: *идеал*, т.е. потребность в Бесконечном, будучи проецирован на конечное, создаёт *идол*, и *идол этот губит душу, разделяя “самого” человека от его само-сознания и тем лишая человека свободы*» [7, с. 190].

Проблема диалектического единства свободы творчества и детерминизма представляет интерес для теории и практики. Изредка встречающиеся с начала XXI века «нападки» некоторых психологов на принцип детерминизма, явный или скрытый призыв отказаться от него при изучении человека происходят, скорее всего, из-за отождествления психического детерминизма с механистическим (однозначным, прямым соотношением причины и следствия). Мы не исключаем также и скрытой манипуляции, которая, к сожалению, используется некоторыми психологами для того, чтобы опровергнув какой-нибудь классический тезис, предложить что-то оригинальное, своё, хотя продукт их «творчества» – известное, но пересказанное на новый лад («Да здравствует новая психология!») – провозглашают они не только на конференциях, но и в студенческих аудиториях). За «новым веянием» стоит их попытка отменить принцип детерминизма в психологии, заменив его самодетерминацией и саморегуляцией субъекта, однако абсолютизация того, что является лишь частью целого, – ошибка, которая может дорого обойтись тем, кто в это поверит. Неспособность в целеположении в ходе «прямого и обратного анализа» [3, с. 79] видеть дальше и выше себя, принимать за естественное и благодатное явление действие внешней причины своего самоопределения (будь то случай – «добрый наш попутчик», муза, глас судьбы, божественный глагол) усиливает нарциссизм, тормозит познание и личностный рост. Н. А. Бердяев об этом писал: «Человек, обоготворяющий себя и теряющий своё сыновство Богу, делается всеильным рабом природной необходимости» [2, с. 100]. Вполне логично допустить, что, если стадия авангарда (как в живописи и архитектуре) выступает естественным этапом в развитии психологической науки, но когда при этом обедняется научная идея, а с ней редуцируется понимание человека, и «ку-



бизм» в его видении принимается за истину, то хочется вновь обратиться к классике.

Проблема диалектического единства свободы творчества и детерминизма является не только методологически значимой, но и востребованной для практической работы психолога, работающего в сфере образования, психотерапии, управления, т.е. в тех видах практики, где желательно творчество, креативные специалисты востребованы, осуществляется поиск средств, методов и условий развития способностей самостоятельно и творчески мыслить. С. Л. Рубинштейн писал, что «психические явления, как и любые явления в мире, детерминированы, включены во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира. В своём практическом выражении вопрос о детерминированности психических явлений – это вопрос об их управляемости, о возможности их направленного изменения в желательную для человека сторону. В этом основное значение, основной жизненный смысл вопроса о детерминации психических явлений. Конкретно постичь детерминированность, закономерную обусловленность психических явлений – психической деятельности и психических свойств человека – это значит найти пути для их формирования, воспитания» [1, с. 229]. Согласно субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна, одним из ресурсов развития личности является духовно-личностный потенциал, детерминированный как внешними, так и внутренними причинами. С утверждением принципа детерминизма появляется этический план в изучении свободы. Постановка проблемы свободы и детерминации раскрывает функцию и содержание сознательной регуляции, которая включает осознание окружающего и действия и направлена на его изменение: «Отличительная особенность человека – “детерминированность через сознание”, иными словами, преломление мира и собственного действия через сознание, – вот основное для понимания проблемы свободы человека и детерминации бытия» [1, с. 371].

С развитием сознания увеличивается множество детерминант, влияющих на поведение человека. По мнению С. Л. Рубинштейна, «всякий вообще акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения. В процессе отражения явлений внешнего мира происходит и определение их значения для индивида и тем самым его отношения к ним (психологически выражающегося в форме стремлений и чувств). В силу этого предметы и явления внешнего мира выступают не только как объекты познания, но и как двигатели поведения, как его побудители, порождающие в человеке определенные побуждения к действию – мотивы» [1, с. 222]. Таким образом, если появляется что-то новое, затрагивающее человека, то у него

возникают потребности, побуждающие к активности, усиливается стремление к познанию. В своём дневнике, рассуждая о смысле жизни, С. Л. Рубинштейн пишет о том, что «координаты возможностей и реальных деяний человека», что-то преодолевающего (и побеждающего) в своей жизни, «должны быть помещены в другое измерение – целого мира, в котором человек ищет и находит свое место <...> одно теряет, а другое приобретает взамен» [1, с. 488]. Отсюда следует, что на человека, поскольку он – часть целого мира, влияют его закономерности, и он открыт внешним воздействиям – новым виртуальным смыслам и значениям, которые вполне могут выступить детерминантами его поступков, творческих актов, самоопределения. Внешняя детерминация существует, и она не исключает свободу человека и его субъектность в силу того, что он отвечает на внешние воздействия, исходя из особенностей своего внутреннего мира. Именно в связи с участием саморегуляции в познавательной деятельности, способности человека занимать рефлексивную позицию, предвосхищать, осуществлять поиск неизвестного в широком, выходящем за рамки ситуативных предписаний диапазоне виртуальных возможностей, и возникает проблема детерминированности свободы творчества.

Ключевые вопросы проблемы детерминации свободы творчества

В соответствии с теорией Л. С. Выготского, развитие высших психических функций опосредовано знаком, ценностями, социальными отношениями; высшие психические функции не созревают, а развиваются в процессе освоения общественно-исторического опыта; ведущую роль играет обучение. Однако следует отметить, что, сфокусировавшись на развитии психики в процессе обучения, Л. С. Выготский в своей теории не уделил должного внимания значению природных данных, т.е. роли задатков в развитии способностей. Это послужило поводом для разногласия школы С. Л. Рубинштейна и Л. С. Выготского. В культурно-исторической теории феномен одарённости ускользает от объяснительных механизмов развития психики. Почему-то из всего выпуска Царскосельского лицея, при одинаковых для всех условиях обучения вышел только один гений – А. С. Пушкин. Однако не следует забывать, что он много читал с детства, в том числе и по-французски, а к двенадцати годам прочитал всю зарубежную и отечественную литературу, которая была опубликована на русском языке, пользуясь преимущественно библиотекой дяди – В. Л. Пушкина.

Феномен одарённости порождает много вопросов когнитивного и экзистенциального



планов. Один из них, сформулированный Мари-сом Лиепой, обозначает два смысловых полюса оценки таланта: данный богом талант – награда или испытание? По его мнению, всё, что ведёт человека к творчеству, является наградой, но вся жизнь – испытание. Поскольку искусство является творческим актом, так как дополняет жизнь и расширяет её возможности, и мы обращаемся к нему «в критических точках нашего пути» [8], то правомерно полагать, что существует диалектическое единство свободы творчества и ответственности. М. М. Бахтин считал: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы всё пережитое и понятое не оставалось бездейственным в ней <...> Искусство и жизнь – не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [9, с. 611–612]. Проблема свободы творчества явилась предметом познания и в философских трудах И. Канта, Г. Гегеля, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. В культурологии изучается проблема социальной детерминации художественного творчества. Неоценимый вклад в понимание феномена свободы творчества внесли поэты – И. Бродский, О. Мандельштам, М. Цветаева, Б. Пастернак.

В психологическом познании творчества мы опираемся на работы, авторы которых изучают причины возникновения нового в творческом акте, осуществляют поиск механизмов саморазвития интеллектуальной деятельности (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Дж. Гилфорд, О. К. Тихомиров, А. В. Брушлинский, А. М. Матюшкин, Я. А. Пономарёв, Д. В. Ушаков, Д. Б. Богоявленская и их последователи). Перспективными для изучения свободы творчества выступают идеи С. Л. Рубинштейна о трансцендировании – выходе за пределы ситуативного содержания решаемой проблемы, Я. А. Пономарева – о логическом и интуитивном пути решения задач, О. К. Тихомирова – о смысловой регуляции мышления, Д. В. Ушакова – о структуре и динамике интеллекта. Следует отметить, что Д. В. Ушаков поставил один из ключевых вопросов проблемы детерминации творчества: возможны ли законы, позволяющие описывать творчество? Вопрос поставлен при рассмотрении им в контексте современной когнитивной парадигмы «детерминизм–случайность–хаос» известного с древности парадокса Сократа, который в диалоге Платона «Менон» сформулирован следующим образом: «Ни тот, кто знает, не станет искать: ведь он уже знает, и ему нет нужды в поисках; ни тот, кто не знает: ведь он не знает, что именно надо искать». Основываясь на теории Я. А. Пономарева, он предположил, что человек может настраивать себя в большей или меньшей степени на детерминистическое функционирование в зависимости

от степени неопределенности ситуации: «Если <...> ситуация является для человека новой и необычной, возникает необходимость развития, формирования оригинальных способов поведения и мышления <...> тогда запускаются менее детерминистические способы функционирования: человек <...> спускается на низшие уровни психологического механизма деятельности» [10, с. 27]. При этом подчеркивается относительный характер случайности, в силу чего «интуитивные догадки случайны относительно сознательного намерения, цели субъекта, однако они детерминированы на другом уровне, и Я. А. Пономарев показал, что это – уровень действия, в котором субъект, помимо цели, получает опыт в результате влияния внешнего мира» [10, с. 28]. Отсюда, как полагает Д. В. Ушаков, возникает вопрос о сходстве и различии представлений Я. А. Пономарева и И. Пригожина [11] об относительном характере случайности.

Рефлексивно-деятельностный подход

Нам представляется, что рефлексивно-деятельностный подход и построенный на его основе рефлексивно-деятельностный анализ феномена свободы личности раскрывают способность человека в рефлексии на противоречие, возникшее в результате столкновения познавательной активности с препятствием в значимой деятельности, переходить на более интенсивный режим и более широкий формат (в пределе «человек–Вселенная») «анализа через синтез» (С. Л. Рубинштейн), позволяющий включать в целеполагание и соотносить в ходе его прямого и обратного движения [3, с. 79] результаты дискурсивного и интуитивного мышления, что, безусловно, обогащает семантическое пространство, смысловое содержание и напор движения мысли, способствует преодолению границ виртуальных возможностей.

Рефлексивно-деятельностный подход «схватывает» движение мысли в заряженном личностью (её интересами, устремлениями и т.п.) поле. «Сила заряда» определяется сложностью решаемой задачи, смыслом её решения для человека, степенью взаимодействия аффекта и интеллекта, верой в собственные силы (что свойственно людям с адекватно высокой константной самооценкой), преодолевающей сомнения в возможности достижения цели. Рефлексивно-деятельностный анализ мыслительной активности человека, встречающей на пути познания нового и преодолевающей границы познания на том или ином уровне деятельности с актуализацией того или иного ранга рефлексии, делает видимым (приоткрывает) не только множество вариантов выбора при преодолении противоречия в ситуации неопределенности, но и направления



движения мысли, её количественные и качественные изменения, возникающие в процессе экзистирования – движения человека к иному. Причем в качестве иного может выступать не только алгоритм решения задачи (множества задач определённой сложности), но и закономерность, сущность познаваемого предмета, то, что в своём пределе называют непостижимым, истиной. Эти перипетии движения мысли (их интерференцию, бифуркацию) на прямом и обратном путях целеполагания в широком пространстве много-многомерных связей между компонентами в структуре сознания нам показывают в своих романах Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, в эссе и лекциях о природе поэтического творчества – И. Бродский.

С позиций рефлексивно-деятельностного подхода *свобода* понимается нами как осознание, переживание и изменение человеком границ пространства своих виртуальных возможностей. Преодоление этих границ (ограничений развития способностей, убеждений, личной позиции на пути самоактуализации) является творческим актом, происходит в мышлении и воображении при решении когнитивных и экзистенциальных задач, открытии человеком нового знания, ценного для культуры. В ходе осознания и деятельности, в единстве процессов рефлексии, переживания и деятельности человек достигает свободы. Осознание свободы возникает в самоопределении и проектировании – построении такого отношения к границам пространства своих виртуальных возможностей, при котором преодолеваются противоречия в самореализации. Обладающий внутренней свободой человек при столкновении с препятствием в значимой деятельности осознает противоречие и поступает по внутреннему убеждению, в соответствии с личными ценностными ориентациями, долгом, ответственностью. Необходимым условием достижения свободы является обращение человека к себе – *рефлексия на противоречие* в «Я-концепции», возникающее в ходе решения задачи, осознание препятствия в собственной деятельности в качестве границы возможностей, которую можно преодолеть.

Исходя из приведенного выше определения свободы, *свободу творчества* можно понимать как осознание, переживание и изменение границ виртуальных возможностей человеком в ходе порождения им нового, оригинального образа, открытия и воплощения в деятельности уникального знания, значимого с точки зрения культуры. В творчестве человек, преодолевая границы единичного, природного «Я», открыт миру и преобразует его на основе диалектического единства свободы и ответственности. Обогащая культуру, он утверждает ценность свободы творчества. Следовательно, в творческой деятельности человек осознаёт границы своих виртуальных

возможностей, делает выбор путей и средств достижения цели, принимает решение, приступает к его выполнению на основе не только знания, умения и навыков, но и единства интеллекта и аффекта в структуре его сознания.

С. Л. Рубинштейн в своём дневнике записал: «Необходимо увидеть величие в том, что кажется малым, – вот она – мудрость сердца. Хрупкость человеческой жизни: ранимость, уязвимость человека <...> И вместе с тем – какое величие! Сколько дерзновения: какое мужество, какая всепроникающая и всепокоряющая сила мысли – главное – какая способность (вот оно – настоящее величие) перед лицом бесконечного нагромождения космических громад, среди рокота стихийных сил, способных в слепом своём бурлении не оставить следа от человечества, – неустанно вновь и вновь с неугасимым сознанием того, что в самом деле значимо, обращаться сердцем, исполненным нежности, и ширящей грудью радости к каждому проявлению того, что засветится в человеческом существе великодушного и милого. Да, в этом, в этом больше всего, настоящее величие человека. В связи с этим же существенны не только прошлые достижения, но проблемность, удивительность бытия, мир как чудесный мир, и малость и величие в нём человека» [1, с. 380–381]. Основное противоречие, по мнению С. Л. Рубинштейна, «есть противоречие морали как ограничения (нормы, запрета) и жизни <...> Прогресс, развитие может заключаться в том, какие это будут противоречия, на каком уровне они будут возникать и как, на каком уровне сниматься» [1, с. 381]. Действительно, какая удивительная интерференция (доходящая порой до бифуркации) происходит в жизни человека, когда он, сталкиваясь с ограничением своей активности, либо тормозит своё движение к цели, останавливается в самореализации, либо прорывается через границы своих возможностей, ощущая полноту жизни в ходе экзистирования. В этих условиях проявляет себя феномен свободы человека и может произойти переориентация в его сознании. Важно, чтобы человек активно и самостоятельно работал с поступающей извне и изнутри информацией, перерабатывал и осваивал её в результате осмысления. По С. Л. Рубинштейну, «общий принцип детерминизма, согласно которому внешние причины всегда действуют через внутренние условия, так что конечный эффект любого внешнего воздействия всегда зависит не только от внешнего воздействия на тело или явление, но и от внутренних его свойств, применительно к человеку неизбежно приобретает и этический смысл – соотношения определения и самоопределения, свободы и необходимости в человеческом поведении» [1, с. 350].

На основании рефлексивно-деятельностного подхода нами сформулирован *принцип свободы*,



согласно которому человек виртуально свободен, «обречён быть свободным» (Ж.-П. Сартр). Онтология свободы, её критериальный показатель – преодоление человеком своих природных границ – с наибольшей полнотой проявляет себя в творчестве, когда человек открывает и создаёт что-то новое, уникальное. При достижении значимой цели (в ходе решения когнитивной или экзистенциальной задачи) он неминуемо сталкивается с противоречиями, которые побуждают его выйти за границы своих виртуальных возможностей.

Принцип детерминизма и принцип свободы

Принцип детерминизма и принцип свободы не исключают друг друга – они едины, но не тождественны, находятся в диалектическом единстве, подобно свободе и ответственности. Вл. Соловьев утверждал: «принцип свободы, в отдельности взятый, имеет только отрицательное значение. Я могу жить и действовать свободно, т.е. не встречая никаких произвольных препятствий и стеснений, но этим, очевидно, нисколько не определяется положительная цель моей деятельности, содержание моей жизни» [12, с. 163]. В. Франкл говорил, что статуя Свободы на восточном побережье США должна быть дополнена статуей ответственности на западном побережье. Эти принципы объединяют субъект, его сознание и деятельность. Они обеспечивают саморегуляцию и определение человеком границ своих виртуальных возможностей. Человек постоянно самоопределяется – работает с границами своих возможностей. Изменению границ возможностей и переживанию в момент их преодоления чувства свободы способствует диалектическая сущность границы (И. Г. Фихте, Г. Гегель, Р. Мэй, К. Ясперс), заключающаяся в том, что она одновременно утверждает реальность и отрицает её, т.е., в соответствии с нормами культуры и требованиями общества, ограничивает активность человека, детерминируя и помещая его в определенные рамки поведения и действия, и в то же время, при определенных условиях (возникновении проблемной ситуации в ходе самоопределения, экзистенциального выбора), может побуждать к выходу за границы своих возможностей, установленных самим человеком или кем-либо.

Принцип детерминизма и принцип свободы в своей совокупности являются эвристическими для поиска внешних и внутренних детерминант свободы творчества. Эти принципы открывают реальные возможности изучения трансцендирования (выхода за границы предзаданного) в творчестве, при решении проблемной ситуации. На основании субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна и рефлексивно-деятельностного подхода при анализе возникновения

и преодоления препятствия (противоречия) на разных уровнях деятельности (мотивационно-потребностном, целеполагания, целереализации, оценочном) можно выделить взаимосвязанные *внутренние и внешние детерминанты свободы творчества*. К *внутренним* относятся: стремление к познанию истины, противоречие, границы виртуальных возможностей, самоотдача, любовь как высшее духовное чувство, побочный продукт творческой деятельности, радость открытия, успех, адекватно высокая постоянная самооценка, самоэффективность, осознание себя творческим, ответственность; к *внешним* – диалог, культура и динамика речи, символ, смысл, знак, опосредствующий деятельность, слово – «божественный глагол» (А. С. Пушкин).

Мы не исключаем того, что существует множество детерминант, их список может быть гораздо шире, представленного здесь. Их подробное рассмотрение вряд ли возможно в рамках одной статьи, поэтому мы ограничимся некоторыми примерами, но прежде чем сделать это, следует обратить внимание на две закономерности. Первая связана с особой значимостью границ виртуальных возможностей, выступающих необходимым условием свободы творчества. Они могут быть разными в зависимости от противоречия в структуре деятельности, переживаемого человеком, столкнувшимся с препятствием познавательной активности: границы установки, своих представлений, первоначальных целей, собственных и чужих ситуативных требований, критериев оценок и т.д. Вторая закономерность заключается в единстве внешних и внутренних детерминант свободы творчества. Одним из примеров этого является взаимовлияние самоэффективности и социальных институтов, поддерживающих или тормозящих творчество. Проблема «художник-общество» (в более частном выражении – «поэт и толпа») имеет давнюю традицию и междисциплинарный характер (философский, психологический, культурологический) рассмотрения. Для феноменологического уровня анализа этой проблемы, в первую очередь, интересно определить роль самоэффективности в творческом процессе. Согласно результатам проведенной нами теоретической и эмпирической работы, она выступает дополнительной мотивацией свободы творчества [13, 14]. Самоэффективность – это не только вера в себя и уверенность в себе, чувство собственного достоинства, но и радость в жизни – одно из условий субъективного благополучия. Духовный труд, мировоззрение, работа ума выступают теми внутренними силами, которые укрепляют веру в свои способности, дают дополнительную мотивацию творческой активности личности. Мы согласны с мнением специалиста по проблеме детерминации процесса социализации личности Р. М. Шамянова, полагающего, что «в станов-



лении субъективного благополучия немалую роль играют внешние в отношении личности инстанции, среди которых наиболее значимыми являются те институты, которые обеспечивают социализацию ребенка, подростка, взрослого на разных уровнях и обстоятельствах жизни. Так или иначе они создают не только установочные комплексы относительно норм, но и личностные конструкты, которые можно квалифицировать как комплекс “самоэффективности”, успешности» [15, с. 63–64].

Мысли о творчестве, высказанные поэтами, художниками, пытавшимися разобраться в его сущности, источнике, условиях, являются важными для исследователя свободы творчества. Так, в стихотворениях А. С. Пушкина нам открывается множество векторов анализа творческого акта, свободного по своей природе: вдохновение и его источник, свободный выбор поэтом предмета своих песен, особенности импровизации, «божественный глагол».

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл...*

А в стихотворении «Пророк» он пишет о миссии поэта:

*Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

В повести «Египетские ночи» А. С. Пушкин утверждает, что «поэт сам избирает предметы для своих песен» и толпа не имеет права управлять его вдохновением, в противном случае творчество угасает. Это ярко показано Н. В. Гоголем в повести «Портрет». Искусство для талантливых людей является смыслом жизни, важнейшей общечеловеческой ценностью. Роман «Доктор Живаго», как и вся жизнь Б. Пастернака и его поэзия, посвящен свободе творчества.

*Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех...*

Рассматривая проблему единства свободы творчества и детерминизма, можно обратиться к эссе И. Бродского, который поставил перед исследователями творчества, на наш взгляд, один из ключевых методологических вопросов о различении вероятностной природы поступка творческого человека, действующего «вопреки», и исторического принципа детерминизма с его формулой «потому, что». Он двигался в познании природы творчества в феноменологическом

направлении так же, как П. Тиллих (мужество быть вопреки ограничениям), Р. Мэй (мужество творить, борьба с тем, что ограничивает), В. Франкл (поиск человеком смысла). Он считал, что «художник – орудие божественного». Будучи в эмиграции, на занятии со студентами, в ходе проведения анализа стихотворений он уделял особое внимание детерминантам свободы творчества, о чём свидетельствуют и его эссе, посвященные литературному творчеству, искусству, культуре. Нам неизвестно, читал ли И. Бродский труды философов-экзистенциалистов, ещё менее вероятным представляется его знакомство с психологической теорией мышления Я. А. Пономарева, однако в эссе о прошлом и настоящем в русской литературе он высказывает идеи о соотношении сознательного и неосознаваемого в литературном творчестве, о роли побочного продукта в движении поэтической мысли, проводит психологический анализ особенностей и механизмов поэтического творчества, его детерминант, приоткрывающий природу свободы творчества; в их числе: единство лирического и дидактического начал в поэзии; феномен добровольной отдачи себя власти стихий – энергии речи и слова, выступающего в качестве средства, которое может самостоятельно выбирать новые цели; динамическая природа поэтической речи; рифма, на которую «натывается» и «всплскивается» сам язык – «освобожденная стихотворная масса»; «крайность» (дедуктивная, эмоциональная, лингвистическая), за которую идёт поэт, постигая суть предмета; приоритет законов ремесла над историческим опытом художника; «навык отстранения как предпосылка творчества», выход за пределы самого себя, взлёт по духовной вертикали; «побочный продукт», меняющий первоначальную цель и логику стихотворения; «стилистический маятник, раскачивающийся между пластичностью и содержательностью»; «душевная оптика» поэта – мировоззрение, совесть, душа как наставник стиха.

При анализе стихотворения О. Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...» И. Бродский раскрывает механизм творчества, показывает, как и за счет чего осуществляется целеобразование и, соответственно, движение к новому: «Интонация отрицания как бы перевыполняет норму (требуемую) и перехлестывает параметры информации, приближаясь к исповеди. Цель забывается, остаётся только динамика самих средств. Средства обретают свободу и сами находят подлинную цель стихотворения» [16, с. 61]. При этом может произойти «лирический и дидактический взрыв», и появляется новая тема в стихотворении. «Поэтическая речь – как и всякая речь вообще, – пишет И. Бродский, – обладает собственной динамикой, сообщающей душевному движению то ускорен-



ние, которое заводит поэта гораздо дальше, чем он предполагал, начиная стихотворение. Но это и есть главный механизм (соблазн, если угодно) творчества <...> Речь выталкивает поэта в те сферы, приблизиться к которым он был бы иначе не в состоянии <...> И происходит это выталкивание со стремительностью необычайной: со скоростью звука, – высшей, нежели та, что даётся воображением или опытом <...> душа певца не столько совершенствуется, сколько пребывает в постоянном движении <...> поэтическая концепция существования чуждается любой формы конечности и статики» [16, с. 81–82]. Поэты обладают «душевной оптикой», понимаемой как «качество зрения, определяемое метафизическими возможностями индивидуума, которые, в свою очередь, являются залогом бесконечности» [16, с. 98]. Как это перекликается с позицией Моцарта, полагавшего, что за творчеством стоит Вселенная, а также идеями К. Ясперса о движении к всеохватывающему, Н. А. Бернштейна – об универсальном порыве к иному бытию, М. Хайдеггера о поэтическом творчестве? Анализируя творчество Гёльдерлина, Хайдеггер определяет поэзию как установление бытия посредством слова и раскрывает орфическое, по своей природе, призвание поэта, который видит «просветы» бытия, открывает людям смыслы и перспективу развития.

В некоторых произведениях мы обнаруживаем единство свободы творчества и детерминизма через детерминирующее влияние *значимого другого* на движение мысли. Идентификация со значимым другим, эффект перевоплощения ярко просматриваются в стихотворении А. С. Пушкина «Андрей Шенье», в котором сформулировано предназначение поэта – быть со своим народом, выражать его чаяния. Для анализа творчества М. Цветаевой И. Бродский выбрал стихотворение «Новогоднее», посвященное А. Рильке, где она «смотрит на мир, и в том числе – на себя, не своими, но его глазами: т.е. со стороны <...> извне – оттуда, где душа поэта ещё не побывала» [16, с. 94, 98]. Приём идентификации, позволяющий проникнуть во внутренний мир другого человека, входит и в систему К. С. Станиславского, который требовал от актеров на сцене вживаться роль так, чтобы персонаж оживал: в этом – искусство актера – В. Высоцкого, О. Янковского, Е. Миронова, М. Ульянова, И. Смоктуновского, С. Юрского А. Тарасовой, Ю. Борисовой и др.; в такой театр будут приходить люди. Это один из ответов на вопрос, почему искусство влияет на человека.

Свобода творчества – сложный феномен, изучать который интересно и важно для образовательной практики – развития творческих способностей, самостоятельности в решении задач, свободного ума учащихся. На первый взгляд,

свобода личности в целом, а также творческий процесс и свободный ум, который его инициирует и развивается в нём, – не детерминированы. Но это иллюзорное представление может иметь негативные последствия. Как иллюзия контроля, сопровождающаяся признанием тотальной власти детерминизма в жизни и достаточности самодетерминации для достижения свободы, так и иллюзия индетерминизма, отрицающая действие причинно-следственных связей, толкают человека на путь вседозволенности. С укреплением убеждения в том, что человек является полноправным автором своих действий и хозяином собственной жизни, снижается чувство ответственности. Духовно богатый, культурный человек всегда, при любых обстоятельствах опосредован и движим общечеловеческими ценностями. И если в какое-то мгновение экзистенциального выбора, в ситуации бифуркации, он совершает что-то, что ему кажется беспричинным, случайным, не связанным с его индивидуальными особенностями личности и качествами ума, то это ещё не говорит о том, что причина его поступка отсутствует. Она может быть найдена в другой грани человеческого бытия («в другом причинном ряде», как полагал И. Пригожин), например, в опыте человека, системе его межличностных отношений, в проектировании цели и последствий поступка, ценностной сфере, особенностях состояния.

Нам представляется, что теория катастроф Р. Тома и теория динамических процессов равновесных структур И. Пригожина приоткрывают механизмы не только выбора, но и свободы творчества, и в целом – процессов экзистирования (выхода за пределы своих возможностей) и трансцендирования (движения к иному). Случайная встреча с неожиданным явлением, эмоция удивления, задача, дальняя ассоциация, порождающая смысловую волну, приводящая к конфликту смыслов и появлению нового, переживание противоречия, подсказка, инсайт, вдохновение и т.п. – всё это детерминанты динамики мышления и свободы творчества.

Свобода творчества рассматривается нами в связи с изучением *развития мышления*. Мышление как непрерывный процесс целенаправленного, опосредованного, обобщенного отражения мира, осуществляемого человеком с помощью языка, само по себе не возникает, его надо развивать. Аристотель говорил, что всякое человеческое познание начинается с удивления. Однако надо иметь много ума, чтобы что-то не понять, задать вопрос, задуматься, испытать познавательную потребность: «И то, что понятно Вагнеру, то загадка для Фауста» (А. Герцен). В ходе знакомства с новым материалом (в процессе обучения) важно увидеть что-то противоречивое, усомниться, узреть вопрос, понять его сущность.



По всей вероятности, правильно поступает тот учитель, который ставит пять баллов ученику за один проблемный вопрос.

Постановка проблемных ситуаций в обучении – метод развития свободы творчества

По нашему мнению, одним из эффективных методов развития свободы творчества является метод постановки проблемных ситуаций в обучении [4, 6, 17]. С помощью проблемного обучения, выступающего мощным средством развития природных задатков и способностей, развивается свободный ум, без которого невозможна свобода творчества, повышается интерес к учебной деятельности. И чем больше человек сталкивается с противоречиями, решает задачи когнитивного и экзистенциального планов, тем больше шансов, что природные задатки разовьются, быстрее идет развитие его способностей, повышается эффективность деятельности. Через преодоление трудностей человек познаёт и развивает мир и себя в этом мире. Иными словами, диалектическое единство свободы и детерминизма в структуре сознания способствует развитию духовного потенциала личности.

Метод постановки проблемных ситуаций разрабатывали с начала 1970-х гг. А. М. Матюшкин, А. В. Брушлинский, Т. В. Кудрявцев, в работах которых определены сущность, психологическое содержание (структура) и виды проблемных ситуаций. Выявлено, что проблемная ситуация возникает в результате постановки проблемного вопроса, когда появляется что-то новое, необычное, тревожащее (что-то не так!), а прежние пути и способы решения оказываются недействительными. Учащиеся сталкиваются с препятствием в познании, переживают противоречие, у них появляется потребность осуществить поиск алгоритма решения задачи, найти неизвестное.

С самого начала преподавательской деятельности с середины 1980-х гг. в Ульяновском государственном педагогическом институте (УлГПИ) и филиале МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ульяновске, а в настоящее время в Военном университете Министерства обороны (ВУ МО) РФ на занятиях совместно со студентами и курсантами мы используем метод проблемных ситуаций. В УлГПИ в течение пятнадцати лет нами совместно с ведущим преподавателем психологии на физико-математическом факультете, доцентом З. В. Кузьминой проводился естественный эксперимент по развитию мышления и креативности у студентов этого факультета. В исследовании приняли участие более 1170 студентов – студенческих групп, составляющих потоки по 100 человек, на которых проводились занятия по психологии. Результаты ульяновского эксперимента свидетельствуют о том, что подго-

товленные на высоком психологическом уровне к своей профессии выпускники физико-математического факультета владеют инновационными методами обучения, в том числе методом постановки проблемных ситуаций. В настоящее время мы видим плоды своего труда – Ульяновская область славится высоким уровнем преподавания математики; выпускники школ легко поступают в университеты. Опыт проведенного нами экспериментального исследования развития мышления в процессе обучения представляется полезным для специалистов в сфере образования на современном этапе его модернизации в России, решения государственно важной задачи по подготовке выпускников, способных самостоятельно и творчески мыслить, быть успешными в своей профессиональной деятельности.

Метод постановки проблемных ситуаций на занятиях используется нами и в ходе обучения курсантов военно-психологического факультета ВУ МО РФ. С каждым годом банк проблемных ситуаций пополняется. Приведем несколько фрагментов практического занятия по теме «Мышление»: студентам и курсантам предлагается решить следующие задачи проблемного типа, которые трансформируются в проблемные ситуации.

1. Задача С. Л. Рубинштейна: «При каких условиях биссектриса может быть медианой? И при каких условиях она может быть секущей?» [18]. По С. Л. Рубинштейну, поскольку изображение связано с мышлением, то движение мысли осуществляется в силу того, что, включая объекты мысли в новые связи, мы выявляем в них новые свойства, и они выступают в новом качестве, в новых понятийных характеристиках. Он называет этот процесс «вычерпыванием из объекта нового содержания». Например, прямая, выступающая в условиях задачи как биссектриса, включаясь в новые связи и фигуры и, таким образом, в отношении с новыми элементами, с которыми она не соотносилась в условиях задачи, выступает как медиана, затем как секущая при параллельных прямых и т.д.

2. В стихотворении А. С. Пушкина «Движение» есть «изюминка», которую нужно разгадать.
*Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.*

Учащимся предлагается ответить на вопрос: в чём заключается остроумие Пушкина? В чем замысловатость его ответа на историю с мудрецами? При анализе можно использовать содержание теории мышления С. Л. Рубинштейна,



его понимание «нерва процесса мышления». При этом становится понятным, что в новой системе отношений (в трехмерном пространстве, по сравнению с двухмерным) появляется новое качество движения – его относительность.

3. Мыслительные процессы.

1) Решите уравнение (письменно):

$$90 \times 60 : 60 = ?$$

2) По аналогии с первым уравнением сами составьте ещё два.

3) Дайте психологический анализ решения всех уравнений с точки зрения основных мыслительных процессов (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование). Поясните, где и как производился анализ (разделение целого на части, на отдельные действия), синтез и т.д. Допустим, что учащиеся выполнили задание – нашли принцип решения задачи (алгоритм), получили ответ. Однако если алгоритм решения найден и задача решена, то этого ещё недостаточно. Почему недостаточно? – могут спросить студенты. Здесь возникает проблемная ситуация: Что необходимо сделать, чтобы задание было выполнено до конца? Найти искомое! В процессе анализа, синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования они делают вывод – формулируют правило: Если число увеличить и уменьшить в одинаковое количество раз, то оно не изменится.

По большому счету, интеллект, преобразующий значимую деятельность в свободное творчество, ведёт ученого, мыслителя, художника через препятствия к познанию законов природы, техники, человека, приближает к истине. Так, Д. И. Менделеев открыл не только принцип (алгоритм) составления периодической таблицы химических элементов на основе атомного веса и валентности, но и закон меры весов – фундаментальный закон природы.

Обычно первые два года после окончания вуза выпускники адаптируются, приобретают опыт работы в школе, а потом начинают заниматься поиском новых методов. Наши студенты, поскольку они все годы в вузе обучались психологии, пришли в школу готовыми к инновациям с первых дней своей работы.

Поскольку только свободный может воспитать свободного (Ф. Ницше), то те учителя, которые ценят свободу творчества (выступающую компетенциальной способностью в профессиональной деятельности учителя), могут воспитать свободно мыслящих и творческих выпускников школ и вузов. Подготовка преподавателей с развитыми академическими способностями и свободным умом позволяет решать проблему повышения интеллектуального потенциала, культуры, экономики и качества жизни граждан нашей страны. Свобода творчества, которая развивается на занятиях психологии у курсантов военно-психологического факульте-

та, является востребованной в профессиональной деятельности психолога воинской части.

Помимо проблемных ситуаций мы используем и другие методы развития свободы творчества в рамках тренинга. В экспериментальной работе со студентами с помощью модифицированных нами гештальт-техник «Великий художник – ученик» [4] и «Вселенная» [13, 14] так же, как и при решении проблемной ситуации, удалось выявить диалектическое единство свободы творчества и детерминизма. При выполнении задания совместного рисования («учитель» рассказывает сюжет будущей картины, «ученик» воплощает его) участники эксперимента в условиях демократического стиля взаимодействия выходили из роли исполнителя, становились единомышленниками; у членов диады наблюдались: слияние, свобода совместного творчества, доверие, увлеченность, динамичное совместное развитие сюжета, чувство самоэффективности. Так, на рисунке «Краем глаза» курсантом, играющем роль ученика, отражена идея урбанизации, ухода человека от природы; нет людей, машин, движения, много одинаковых десятиэтажных домов с пустыми окнами, мало деревьев, а на обратной стороне рисунка он крупным каллиграфическим почерком написал: «Сие творение – дело рук величайшего художника и творца»; далее следовали его фамилия, имя и отчество, подпись и мелким шрифтом – фамилия и имя его учителя – «Великого художника». В рисунках, выполненных при авторитарном стиле управления, как правило, проявляются: напряжение, эффекты выученной беспомощности или бунта, гештальт-сопротивления (ретрофлексия, интроекция, инкапсуляция, растворение ядра). Рисунок свидетельствует о неудовлетворенности контактом и отсутствии творчества. Одна из студенток, выполнявшая роль авторитарного художника, при обсуждении рисунка воскликнула: Я поняла, что никогда не буду авторитарным учителем. Это не моё!

В исследовании свободы поэтического творчества с помощью техники «Вселенная» многие студенты (и курсанты) смогли выйти за рамки привычной прозы и рационального изложения своих мыслей – выразили их в стихотворной форме. Им удалось прорваться к иному, всеохватывающему, найти идею и «лететь на крыльях фантазии», не теряя чувства ответственности за достойное выражение мысли, стремления сказать что-то своё, интересное не только самому себе, но и другим.

Заключение

Исследование проблемы свободы творчества и детерминизма, предпринятое нами, является продолжением изучения свободы человека. В докторской диссертации «Рефлексивно-деятель-



ностный анализ феномена свободы личности», научный уровень которой был высоко оценен ведущей организацией (МГУ), оппонентами, председателем – В. В. Рубцовым и членами диссертационного совета Психологического института Российской академии образования, впервые обобщены философские и психологические работы, посвященные свободе. Мне повезло в течение двенадцати лет подряд проводить спецкурс «Психология свободы» со студентами различных вузов (в пединститутах Москвы, Калуги, Ульяновска) и курсантами ВУМО РФ. Дисциплина введена в учебный план Министерства образования РФ.

Исследование экзистенциального по своей природе феномена свободы и такой закономерности, как диалектическое единство свободы творчества и детерминизма органично встраивается и в решение актуальной проблемы подготовки профессионала, развития у него профессионально важных компетенций, в число которых входят интеллект и креативность. Предложенная С. Л. Рубинштейном идея изучения самоопределения человека в контексте его жизненного пути является методологически богатой и универсальной для исследования индивидуальных особенностей личности, в том числе – свободы творчества. Имея биологические корни, она (как и свободный ум) развивается в процессе обучения и решения когнитивных и экзистенциальных задач, которыми так богата жизнь. Нам импонирует перспектива изучения интеллекта, предложенная Д. В. Ушаковым: «Задача понять интеллект в контексте жизненного пути человека. В начале жизненного пути интеллект присутствует как способность, на основе которой происходит постепенное становление интеллектуальных способностей ученого или руководителя, писателя или инженера. Другими словами, в современном обществе из интеллектуальной способности молодого человека должен вырасти интеллект профессионала. Именно последний является условием развития человечества, из чего вытекает особый интерес к процессам преобразования способностей в компетентности» [19, с. 6].

Использование проблемного метода с целью развития мышления и свободы творчества представляется актуальным и перспективным для совершенствования процесса обучения и решения задач, поставленных на государственном уровне по подготовке квалифицированных кадров. Страна нуждается не только в успешных (в силу своего опыта) в своей профессии работах, но и в специалистах экстракласса, интеллектуально развитых, способных к творчеству, движению к неизвестному, познание которого значимо для сохранения и развития культуры. Д. В. Ушаков констатирует, что «общий интеллект является

сегодня наиболее сильным из известных психологии предикторов индивидуальных профессиональных достижений» [19, с. 14]).

Вместе с методом постановки проблемных ситуаций на занятиях используются диагностические методики по изучению индивидуальных особенностей личности и качеств ума (интеллекта – креативности, ригидности – гибкости, абстрактности и т.д.), а также мозговой штурм, деловая игра, дискуссия, психотехники по осознанию личной свободы и ответственности. Проблемное обучение – ежедневный творческий труд и основная задача тех, кто посвятил свою жизнь психологии.

Колоссальное значение в развитии творческих способностей имеет не только обучение, но и чтение художественной литературы (произведений У. Шекспира, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Б. Пастернака, Х. Л. Борхеса, Р. Шекли, А. и Б. Стругацких и др.), посещение театра. Велика роль музыки в развитии интеллектуального и духовного потенциала личности.

В ходе анализа проблемы диалектического единства свободы творчества и детерминизма нам удалось заглянуть во внутренний мир человека, приоткрыть природу его творчества. При столкновении с препятствием и переживании противоречия повышается активность личности. Посредством рефлексии в сознании художника удерживаются противоречивые смыслы: сталкиваясь, они рожают новые идеи, которые вдохновляют художника на новый виток в познании. В результате взаимодействия внешнего и внутреннего появляется *новое*; возникает потребность к познанию, усиливаются активность и мотивация, ведущие к самоактуализации личности. Психика – саморегулирующаяся система. Свобода творчества и детерминизм диалектически связаны друг с другом, подобно тому, как едины, но не тождественны свобода и ответственность.

Библиографический список

1. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. 512 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества : опыт оправдания человека. М., 2011. 670 с.
3. Кузьмина Е. И. Психология свободы. М., 1994. 195 с.
4. Кузьмина Е. И. Свобода человека : теория и практика : учеб. пособие. СПб., 2007. 336 с.
5. Соловьев В. С. Собр. соч. : в 10 т. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 3. 440 с.
6. Петцольдт И. Введение в философию чистого опыта. Определенность души / пер. с нем. СПб., 1910. 344 с.
7. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины : опыт православной теодицеи. М., 2005. 633 с.



8. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1986. 574 с.
9. *Бахтин М. М.* Искусство и ответственность // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря, В. В. Архангельской. М., 2009. С. 611–612.
10. *Ушаков Д. В.* Творчество – общесистемный взгляд // Творчество : от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д. В. Ушакова. М., 2011. С. 21–33.
11. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. 432 с.
12. *Соловьев Вл. С.* Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. 822 с.
13. *Кузьмина Е. И.* Единство эмоционального и интеллектуального – дополнительная мотивация свободы творчества. Ч. I // Сибир. психол. журн. 2014. № 52. С. 18–30.
14. *Кузьмина Е. И.* Единство эмоционального и интеллектуального – дополнительная мотивация свободы творчества. Ч. II // Сибир. психол. журн. 2014. № 53. С. 53–64.
15. *Шамионов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004. 180 с.
16. *Бродский И. А.* Власть стихий. Эссе. СПб., 2012. 224 с.
17. *Кузьмина Е. И.* Постановка проблемных ситуаций – метод развития мышления и свободы творчества // Психология когнитивных процессов : сб. ст. / под ред. В. В. Селиванова. Смоленск, 2015. С. 72–85.
18. *Рубинштейн С. Л.* Принцип детерминизма и психологическая теория мышления // Вопр. психологии. 1957. № 5. С. 57–66.
19. *Ушаков Д. В.* Психология интеллекта и одаренности. М., 2011. 464 с.

Creativity Freedom and Determinism

Elena I. Kuzmina

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14, B. Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia
E-mail: kuzminael1@yandex.ru

The paper presents a theoretical analysis of the problem of dialectical unity of creativity freedom and determinism – a general psychological principle of causality proposed by S. L. Rubinsteyn. The paper provides a rationale for «a refraction effect of external influence through the subject's mental state, through his established mindset and feelings». It is shown that creativity freedom and determinism are mutually reinforcing. Determinism provides a cause of motivation for the creative process, which encourages a person to look for the unknown and enhances a person's mental activity. Creative activities reveal new determinants, relationships between objects and phenomena, new needs and motives that activate cognition. Based on the reflexive activity approach, developed by E. I. Kuzmina (1992), the paper presents the results of a theoretical and empirical study of the correlation between creativity freedom and determinism.

Key words: creativity freedom, principle of determinism and principle of freedom, reflexive and activity approach, determinants of creativity freedom, problem cases.

References

1. Rubinshteyn S. L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* (Being and consciousness. Human and world). St.-Petersburg, 2003. 512 p. (in Russian).
2. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva: opyt opravdaniya cheloveka* (Sense of creation. Human excuse experience). Moscow, 2011. 670 p. (in Russian).
3. Kuz'mina E. I. *Psikhologiya svobody* (Psychology of freedom). Moscow, 1994. 195 p. (in Russian).
4. Kuz'mina E. I. *Svoboda cheloveka: teoriya i praktika: ucheb. posobie* (Human's freedom: theory and praxis: the study guide). St.-Petersburg, 2007. 336 p. (in Russian).
5. Solov'ev V. S. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* (Collected edition in 10 vol.) 2nd ed. St.-Petersburg, 1912. Vol. 3. 440 p. (in Russian).
6. Pettsol'dt I. *Vvedenie v filosofiyu chistogo opyta. Opredelemnost' dushi* (Introduction into philosophy of clear experience. Definiteness of soul). St.-Petersburg, 1910. 344 p. (in Russian, trans. from German).
7. Florenskiy P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoy teoditsei* (Pillar and confirmation of verity. Experience of orthodox theodicy). Moscow, 2005. 633 p. (in Russian).
8. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* (Psychology of art). Moscow, 1986. 574 p. (in Russian).
9. Bakhtin M. M. *Iskusstvo i otvetstvennost'* (Art and responsibility). *Psikhologiya lichnosti* (Personal psychology). Eds. Yu. B. Gippenreyter, A. A. Puzyrey, V. V. Arkhangel'skaya. Moscow, 2009, pp. 611–612 (in Russian).
10. Ushakov D. V. *Tvorchestvo – obshchesistemnyy vzglyad* (Creation – general-systematic sight). *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovaniy k sotsial'nym i kul'turnym fenomenam* (Creation: from biologic foundations to social and cultural phenomens). Ed. D. V. Ushakov. Moscow, 2011, pp. 21–33 (in Russian).
11. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa* (Order from chaos). Moscow, 1986. 432 p. (in Russian).
12. Solov'ev V. S. *Sochineniya v 2 t.* (Writings: in 2 vol.). Moscow, 1988. Vol. 2. 822 p. (in Russian).
13. Kuz'mina E. I. *Edinstvo emotsional'nogo i intellektual'nogo – dopolnitel'naya motivatsiya svobody tvorchestva* (Unity of emotional and intellectual is additional motivation of creation freedom). Part I. *Sibir. psikhol. zhurn.* (Siberian Journal of Psychology), 2014, no. 52, pp. 18–30.
14. Kuz'mina E. I. *Edinstvo emotsional'nogo i intellektual'nogo – dopolnitel'naya motivatsiya svobody tvorchestva* (Unity of emotional and intellectual is additional motivation of creation freedom). Part 2. *Sibir. psikhol. zhurn.* (Siberian Journal of Psychology), 2014, no. 53, pp. 53–64.
15. Shamionov R. M. *Psikhologiya sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* (Psychology of personality's subjective well-being). Saratov, 2004. 180 p. (in Russian).
16. Brodskiy I. A. *Vlast' stikhiy. Esse* (Power of elements. Essay). St.-Petersburg, 2012. 224 p. (in Russian).



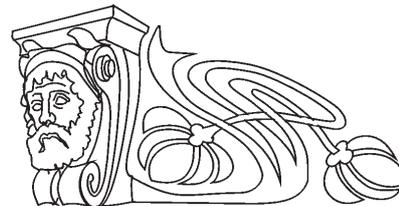
17. Kuz'mina E. I. *Postanovka problemnykh situatsiy – metod razvitiya myshleniya i svobody tvorchestva* (Formulation of problem situation is method of development of thinking and creation freedom). *Psikhologiya kognitivnykh protsessov: sb. st.* (Psychology of cognitive processes: papers collection). Ed. V. V. Selivanov. Smolensk, 2015, pp. 72–85 (in Russian).
18. Rubinshteyn S. L. *Printsip determinizma i psikhologicheskaya teoriya myshleniya* (Determinism principle and psychological theory of thinking). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psychologii), 1957, no. 5, pp. 57–66 (in Russian).
19. Ushakov D. V. *Psikhologiya intellekta i odarennosti* (Psychology of intellect and genius). Moscow, 2011. 464 p. (in Russian).

УДК 316.6

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия
E-mail: rjaguzova@yandex.ru



В рамках авторской концепции рассматривается роль личностных репрезентаций «Я – Другой» для развития, становления и самодетерминации личности, сконструированных на разных уровнях взаимодействия субъекта (культура, социум, личность). Утверждается, что культура и социум создают необходимые условия для развития личности, конструируя своеобразную социокультурную матрицу, но за личностью остается право выбора смысловых оснований и ценностных ориентиров собственной траектории духовно-нравственного развития. Констатируется, что конструирование репрезентаций взаимодействия «Я – символический Другой», «Я – реальный Другой», «Я – персонализированный Другой» позволяет личности активно осваивать культуру, адаптироваться в социальном мире и самосозидаться как неповторимой индивидуальности. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в психологических программах тренингов по развитию и самосовершенствованию личности, оптимизации ее реальных интеракций с Другими, а также для разработки программ по приобщению личности к ресурсным возможностям культуры.

Ключевые слова: личностные репрезентации, взаимодействие с Другим, культура, социум, личность, социокультурная матрица, развитие и самодетерминация личности.

DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-1-34-39

Введение

Познавательная ситуация современного этапа развития науки характеризуется поворотом от классической и неклассической рациональности в сторону постнеклассической методологии, отличительными признаками которой выступают переход от макроанализа к микроанализу (вернее, к их синтезу), от монодисциплинарности к полидисциплинарности, от объективности к индивидуальной субъективности, предполагая конвергенцию естественно-научного и гуманитарного знания, сетевого и ситуативного анализа, акцентирование внимания на изучении человека в мире и личности в культуре [1].

Культура представляет собой и научное понятие, имеющее междисциплинарный статус, и сложную гетерогенную реальность, состоящую из социальной информации, которая сохраняется и аккумулируется в обществе посредством создаваемых людьми знаковых средств, артефактов, символов. Каждая наука, в фокусе внимания которой оказывается культура, предлагает свою исследовательскую оптику, выделяя, усиливая и рефлексируя разные слои культурной реальности.

В рамках социально-психологического дискурса нас будет интересовать сложный процесс взаимодействия личности и культуры. Заметим, что это взаимодействие носит взаимно детерминированный, реципрокный характер, в результате которого происходит интернализация культуры («культура в личности») и экстерниоризация личности («личность в культуре»). Мы согласны с мнением Ю. М. Лотмана, что разделить эти два процесса можно только умозрительно, в реальности они представляют собой взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимопереходящие стороны единого, образуя своеобразную матрицу развития личности [2].

Целью данной статьи является теоретический анализ социокультурной матрицы развития личности в контексте авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и рефлексия ответственности личности за смысловую активизацию социокультурной матрицы.

Теоретические аспекты исследуемой проблемы

В рамках социально-психологической концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» выделены уровни их анализа (культура, социум, личность) и определены